

Глава 33. Домой, братец

Шуанчэн стоял перед дверями Терема Весенних Цветов, нерешительно наблюдая за пёстрой суетой и слушая звонкий девичий щебет. На душе у него было беспокойно: он слишком хорошо помнил грозное предупреждение старшего брата. Е Чжэнь ясно дал понять: если Шуанчэн ещё хоть раз сунется в подобное заведение предаваться праздным утехам, он лично переломает ему ноги.

Ли Цзэю, разумеется, обо всех этих тонкостях семейного воспитания не ведал. Заметив, что приятель застыл у порога как вкопанный, то бледнея, то краснея, принц не стал долго раздумывать. Он просто схватил Шуанчэна за руку и бесцеремонно увлёк за собой.

Шуанчэн так и обомлел, обнаружив себя уже внутри. Опомившись, он в сердцах возмутился:

— Ты чего меня тащишь? Я и сам ходить умею!

Ли Цзэю лишь нахмурился в ответ:

— А чего ты тогда раскорячился перед дверью? Людям проход загораживаешь.

Шуанчэн закатил глаза.

«Ладно, раз уж зашёл, глупо пятиться назад. В конце концов, Е Чжэнь сегодня занят государственными делами в Управе, так что ни о чём не узнает»

Шуанчэн тихо хмыкнул и решительно направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

Ли Цзэю последовал за ним, мимоходом оглядываясь по сторонам.

— И ничего тут примечательного нет, — разочарованно протянул он, а затем слегка ткнул Шуанчэна локтем в бок и заговорщически понизил голос: — Послушай, та девица, Цинь Сан, о которой ты столько толковал в прошлый раз... Она действительно здесь?

Шуанчэн молча кивнул. Ли Цзэю оживился:

— Отлично. Безумно хочется взглянуть, что же это за писаная красавица, раз уж ты расписал её чуть ли не как чудо света.

Они поднялись на второй этаж и заняли отдельный уединённый покой. Местная хозяйка, намётанным глазом сразу оценив их дорогие наряды и благородную выправку, смекнула, что перед ней птицы высокого полёта — особенно когда гости с порога потребовали позвать саму

Цинь Сан. Осыпав юношей изысканными комплиментами, женщина поспешила отправить служанку за знаменитой красавицей.

Вскоре послышался тихий шорох. Жемчужная занавесь дрогнула, и из-за неё показалась изящная женская рука — её кожа, белизной соперничавшая с чистейшим нефритом, казалась хрупкой и нежной. На тонком запястье покачивался браслет из алых бусин спекшегося стекла, который лишь подчёркивал эту молочную бледность.

Шуанчэн и Ли Цзэю одновременно повернули головы. Из-за мерцающей завесы плавной, скользящей походкой вышла молодая женщина в лиловых шелках, прижимавшая к груди лютню-пипу. Это и была Цинь Сан — главная жемчужина и признанная прима этого заведения.

— Цинь Сан приветствует благородных господ, — нежно пропела она.

Красавица мягко улыбнулась и склонилась в изысканном, полном грации поклоне. Облик её чаровал: безупречные черты лица дышали редкой одухотворённостью, белоснежная кожа казалась полупрозрачной, а губы алели без всяких притирок. В каждом её движении, в мимолётной улыбке сквозила утончённая, почти неземная мягкость, начисто лишённая пошлости весёлых домов.

Ли Цзэю слегка кивнул. Вблизи очарование Цинь Сан раскрылось ещё полнее, и он на мгновение вспыхнул искренним восхищением, которое, впрочем, тут же поспешил скрыть. Повернувшись к Е Шуанчэну, он небрежно обронил:

— Хороша, спору нет. Но всё же ты преувеличил её достоинства.

Шуанчэн скептически усмехнулся.

«Ну ещё бы! У твоего августейшего батюшки в гареме три тысячи наложниц, и каждая — признанная красавица. Да и сам ты, как высокородный принц, в будущем не останешься обделён женским вниманием. Куда уж простой смертной сравниться с императорскими девами!»

Вслух же он дружелюбно произнёс, обращаясь к госте:

— Оставь церемонии, дева Цинь Сан. Мы позвали тебя лишь потому, что мой спутник много слышал о твоём выдающемся таланте и страстно желал насладиться твоей игрой на пипе.

Цинь Сан вновь одарила гостей мягкой улыбкой:

— В таком случае я осмелюсь показать вам своё скромное мастерство.

Она грациозно опустилась на сиденье за расписной ширмой. Стоило её тонким, изящным пальцам коснуться натянутых струн, как комнату наполнили чистые, хрустальные звуки. Музыка лилась легко, унося слушателей в заоблачные выси, укутанные туманом, а затем плавно опускалась, словно лёгкое дуновение ветра, рождающее рябь на зеркальной глади озера. Мелодия то журчала горным ручьём, то шелестела листвой в ивовой роще, как вдруг ритм стремительно оборвался, став резким и тревожным — словно яркий алый цветок, вспыхнувший посреди бушующей зимней метели. Перед глазами замороженных юношей одна за другой возникали живые картины, унося их разум вслед за ускоряющимся бегом струн.

Шуанчэну уже доводилось слышать игру Цинь Сан, и он прекрасно знал, сколь высоко её мастерство, но сегодня её исполнение тронуло его ещё глубже.

Когда затих последний аккорд, Ли Цзэю не удержался от восхищённого вздоха:

— Великолепно! Подобная музыка достойна звучать лишь в чертогах небожителей, в поднебесном мире услышать такое — великое счастье.

Цинь Сан лишь слегка склонила голову. Облик её оставался безмятежным, а похвала высокородного гостя, казалось, ничуть не вскружила ей голову. Глядя на неё, Ли Цзэю невольно поймал себя на мысли, что Шуанчэн всё-таки был прав: перед ними действительно стояла исключительная женщина.

Шуанчэн отхлебнул из кубка лёгкого вина и, заметив краем глаза мечтательное выражение на лице Ли Цзэю, лукаво прищурился:

— Ну что, друг мой, неужто сердце твоё дрогнуло? Пленила тебя красавица?

Ли Цзэю смущённо отвернулся и буркнул, стараясь придать голосу строгость:

— Перестань молоть чепуху!

В это время Цинь Сан передала пипу замершей у двери служанке и плавной походкой подошла к гостям. Снова склонившись перед вторым молодым господином Е в глубоком поклоне, она негромко произнесла:

— Позвольте мне выразить вам искреннюю признательность, господин Е, за то, что выручили меня в тот день.

Шуанчэн озадаченно моргнул.

«Какое ещё спасение? Что-то я не припомню, чтобы защищал деву Цинь Сан. Неужто она обозналась?»

Угадав его замешательство, Цинь Сан мягко пояснила:

— Второй молодой господин, вероятно, и сам не ведает, какую услугу оказал. Та бедная девушка, которую вы защитили несколько дней назад, — моя названная сестра.

Только тут до Шуанчэна дошло, о чём речь. Пару дней назад он от нечего делать заглянул в весёлый квартал и отобрал несчастную девицу из рук разбушевавшегося Не Тинфэна. Надо же, а та оказалась близкой подругой Цинь Сан.

— Пустяки, — небрежно отмахнулся он. — Дело житейское, и благодарности не стоит. Если этот негодяй Не Тинфэн снова вздумает распускать руки или докучать вам, сразу отправляйте кого-нибудь в поместье Е. Я быстро научу его хорошим манерам.

Цинь Сан растроганно склонилась в благодарственном поклоне и лично наполнила их кубки вином. Шуанчэн, мастер травить забавные байки, принялся развлекать Ли Цзэю весёлыми историями. Поначалу принц ещё пытался сохранять величественный вид и напускную суровость, но вскоре не выдержал и весело расхохотался вместе с приятелем. В комнате воцарилась непринуждённая, тёплая атмосфера.

Время пролетело незаметно. За окнами начали сгущаться сумерки.

«Братец, должно быть, уже возвращается в усадьбу. Если застанет меня вне дома — недобровать»

Понимая, что пора замечать следы, Шуанчэн шепнул Ли Цзэю, что им пора закругляться. Принц спорить не стал. Тепло попрощавшись с девой Цинь Сан, молодые люди покинули заведение и зашагали в сторону дворцовых ворот.

По дороге Ли Цзэю оживлённо болтал, увлечённо планируя их следующую прогулку верхом и предвкушая новые хмельные посиделки. Лишь у самых ворот Внутреннего города он вдруг остановился и, схватив Шуанчэна за руку, горячо зашептал:

— Завтра, когда придёшь во дворец соучеником-сопровождающим, не забудь забрать тот ларчик с ночным жемчугом. Моё слово твёрдое, долги я всегда возвращаю.

— Понял, понял, — рассмеялся Шуанчэн. — Великий Пятый принц — образец чести, благородства и верности данному слову! А теперь, Ваше Высочество, прошу вас, возвращайтесь в свои покои, да и мне пора честь знать.

Он сделал шутливый приглашающий жест в сторону ворот.

Ли Цзэю согласно кивнул и бросил на прощание быстрый взгляд на приятеля. Караульные у ворот мгновенно узнали Пятого принца, но в их умах воцарилось полное смятение: никто из

них в упор не помнил, когда Его Высочество успел покинуть дворец. Стражники испуганно переглядывались, не зная, что и думать.

— Сделайте вид, будто ничего не заметили, — сухо бросил им Ли Цзэю. — Если поднимется шум, я сам во всём разберусь. Вас это не коснётся.

Облегчённо вздохнув, караульные поспешно распахнули тяжёлые створки, пропуская принца внутрь.

Обратный путь Шуанчэн преодолевал не торопясь, ведя под уздцы своего любимца Сычуаньского перца. Но стоило им дойти до середины дороги, как небо затянуло свинцовыми тучами и хлынул ливень. На дворе стояла осень, и дождь шёл холодный, затяжной. Крупные капли больно хлестали по лицу, вынуждая юношу спешно искать укрытие под широким навесом одного из придорожных домов.

Прикрывая ладонью лоб от летящих брызг, Шуанчэн огляделся. Столица утопала в серой дождевой хмари. Редкие прохожие спешили укрыться от непогоды, а уличные торговцы в спешке сворачивали лавки, хлюпая по лужам.

Шуанчэн ласково потрепал жеребца по взмокшей гриве и негромко проговорил:

— Ну-ну, тише. Переждём, пока ливень немного утихнет, и пойдём дальше. Не хватало ещё, чтобы ты промок и опять начал капризничать... Эй! А ну не брыкайся! Я же любя!

Сычуаньский перец шумно фыркнул и нервно забил копытом по брусчатке. Шуанчэн уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на строптивного скакуна, как вдруг заметил приближающийся экипаж. Вглядевшись сквозь пелену дождя, он разглядел на кузове мачту с семейным гербом дома Е. Сомнений быть не могло: внутри ехал не кто иной, как его старший брат Е Чжэнь.

Лицо Шуанчэна озарилось радостной улыбкой, и он принялся отчаянно махать руками из-под навеса. Кучер, сразу узнав молодого господина, немедля доложил хозяину, натянул вожжи и направил повозку к обочине.

Е Чжэнь отодвинул плотную шторку окна. Представшая его взору картина заставила главу кабинета устало потереть виски: под струями дождя стоял промокший до ниточки Шуанчэн со своим скакуном и сиял самой обезоруживающей улыбкой.

— Брат! — радостно закричал юноша.

Е Чжэнь вздохнул и негромко спросил:

— И почему ты до сих пор не дома?

Шуанчэн красноречиво указал пальцем на затянутое тучами небо — мол, видишь, какой потоп, пешком не пройти. Не теряя времени, он всучил поводья подбежавшему слуге и ловко запрыгнул в тёплое нутро экипажа. Стоило ему оказаться внутри, как он оглушительно чихнул.

— Какое счастье, что мы встретились! — шмыгая носом, затараторил он. — А то я уже думал, что до утра под этим навесом проторчу!

Шуанчэн принялся растирать покрасневший нос. В ту же секунду ему на плечи опустилось мягкое сухое покрывало. Е Чжэнь, сидевший в глубине экипажа, ровным голосом произнёс:

— Вытрись хорошенько. Не хватало ещё, чтобы ты слёг с лихорадкой.

Шуанчэн благодарно кивнул и принялся усердно тереть лицо и волосы. Мокрая одежда неприятно липла к телу, так что он без лишних раздумий стянул с себя сырой верхний халат и, бесцеремонно прижавшись к старшему брату, поглубже закутался в шерстяную ткань.

— Братец, а ты сегодня на удивление рано освободился, — заискивающе пролепетал он, незаметно пододвигаясь ещё ближе к тёплому боку Е Чжэня.

Е Чжэнь лишь молча покачал головой и, забрав у него покрывало, принялся сам бережно осушать его мокрые кудри. Сегодня ему вновь пришлось побывать в Управе и встретиться с Цзи Жучэнем. Дело приняло скверный оборот: доставленный из провинции Цзиньань окружной судья скоропостижно скончался прямо в камере до прихода лекаря от какого-то внезапного недуга.

Разгневанный Цзи Жучэнь метал громы и молнии, в щепки разбил о стол тяжёлое пресс-папье, жестоко наказал нерадивую стражу и битый час сокрушался перед Е Чжэнем, что ниточку оборвали прежде, чем они успели размотать весь клубок. Впрочем, у самого Е Чжэня на этот счёт имелись собственные соображения, о которых он пока предпочитал помалкивать.

Стоило им вернуться в поместье, как Е Чжэнь велел слугам немедленно приготовить горячий имбирный отвар, дабы изгнать скопившуюся в теле простуду. Шуанчэн с детства терпеть не мог вкус имбиря, но перечить старшему брату не посмел. Зажмурившись и сжав зубы, он залпом осушил пиалу, после чего принялся усердно дышать на ладонь, высовывая обожжённый острыми пряностями язык. Глядя на его мучения, Е Чжэнь мягко улыбнулся и протянул ему спелый сладкий мандарин.

Шуанчэн быстро съел несколько долек, и только когда приторная сладость забила жгучий имбирь, с облегчением вздохнул. В этот момент в покой робко вошёл слуга:

— Второй молодой господин, вашего коня благополучно привели в конюшню. Да только беда с ним: от корма отказывается, дышит тяжело, беспрестанно брыкается и норовит лягнуть конюхов.

Услышав о проделках любимца, Шуанчэн тут же вскочил с места:

— Наверняка вы за ним плохо присматривали! У Сычуаньского перца нрав строптивый, стоит ему промокнуть, как он тут же начинает буянить. Нет, я должен сам пойти и успокоить его!

Однако стоило ему сделать шаг к дверям, как крепкая рука Е Чжэня легла ему на плечо, усаживая обратно:

— Сиди уж, горе луковое. Пусть слуги разбираются.

Шуанчэну ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Он уселся на место, без конца давая слугам строжайшие наказания, чтобы те берегли его сокровище пуще глаза.

После той совместной конной прогулки и визита в Терем Весенних Цветов отношение Пятого принца к Е Шуанчэну разительно изменилось в лучшую сторону. Теперь во время перерывов между занятиями в Зале Развития Литературы Ли Цзэю нередко сам заговаривал с ним, весело перешучиваясь у всех на виду. Глядя на эту неожиданную дружбу, отпрыски знатных семейств исходили жгучей завистью.

<http://bllate.org/book/18190/1752810>